

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК САРЫАРКИ И ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ: ОПЫТ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

С.С. Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Россия

Аннотация. Автор рассматривает методологические вопросы, позволяющие рассмотреть особенности взаимосвязей населения Центрального Казахстана и Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы.

Ключевые слова: мир-системный анализ, бегазы-дандыбаевская культура, археологические культуры лесостепи Западной Сибири.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках Госзадания FWZG-2022–0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

Предисловие. В июле 1980 года при раскопках Еловского II могильника в Кожевниковском районе Томской области была найдена керамика, которую мы, студенты исторического факультета ОмГУ, специализирующиеся по археологии поздней бронзы, не смогли идентифицировать. Это была не привычная «еловская еловка», не «таежная еловка» и не «южная еловка», и, естественно, не «ирмень». Бесспорно было только то, что керамика эта позднебронзовая. Вечером перед ужином на «вечерней планерке» бригадиров мы попросили нашего учителя В.И. Матющенко открыть секрет неведомой посуды. «Бегазы-дандыбай – это...», – коротко ответил шеф и перешел к рассмотрению полевой документации и планам на следующий день. Позже у костра он рассказал об этой культуре довольно подробно: о М.П. Грязнове, участвовавшем в раскопках могильника Дандыбай, об А.Х. Маргулане и Л.Р. Кызласове, которые копали могильник Бегазы, о характере культуры и немного о посуде. Так я узнал об этой удивительной и яркой культуре древних жителей Центрального Казахстана. При подготовке кандидатской диссертации трудно было обойти вниманием бегазы-дандыбаевскую посуду, найденную в Еловке, по которой мной было сделано несколько докладов на разных конференциях. На одной из них мне посчастливилось познакомиться с В.В. Варфоломеевым. И в последующих разговорах с ним во время моих поездок в Караганду, ну и, конечно, из книг и статей, написанных им и его коллегами, эта степная культура перестала быть такой загадочной, как в годы студенчества.

Я уже давно почти не занимаюсь изучением бронзового века Западной Сибири, переключившись на исследования поздних архео-

логических памятников, этнографо-археологических комплексов, методологии и истории археологии и т.д. Однако, мне приходилось неоднократно убеждаться, что некоторые проблемы археологии поздней бронзы и нового времени могут иметь общее решение. И я благодарен Виктору Васильевичу за то, что в одной из наших бесед, он высказал мысли, сподвигнувшие меня подготовить этот скромный труд. Пользуясь представившейся возможностью, я от всей души поздравляю нашего юбиляра:

С днем рождения, дорогой Виктор Васильевич!

Живи долго и счастливо!

Радуй себя и коллег новыми трудами и открытиями!

Введение. При картографировании памятников совокупности синхронных археологических культур можно заметить, каждая из них занимает какой-то ареал. Он может совпадать с ландшафтной зоной, располагаться вдоль берегов рек, занимать территории с разными природно-географическими условиями. Обычно, в его центральной части находятся памятники, не содержащие (или содержащие в минимальном количестве) инородные/инокультурные, т.е. «чистые» комплексы. Памятники на границах ареала могут быть «гибридные», т.е. содержащие материалы двух соседних культур. Это считается свидетельством контактов населения, оставившего комплексы двух соседних археологических культур. Следующим шагом могло бы быть соотнесение археологической культуры с группой населения. В результате получалось, что специалисты имели дело уже не только с археологической культурой, но и с населением, которое оставило эти памятники, причем в ряде случаев ему придавали этническую окраску. Такие схемы расположения и этнической интерпретации археологических культур разрабатывали советские археологи. На мой взгляд, она похожа на классический моргановско-энгельсовский вариант расселения людей первобытного общества: есть территория племени, окруженная свободными от постоянного населения местностями, к которым примыкают земли другого племени. Такие схемы очень удобны для анализа распределения артефактов какого-либо облика на некой территории, но для изучения особенностей контактов людей прошлого они могут и не подходить.

Проблема. В Верхнем Приобье от устья р. Бердь на юге до устья Томи на севере (иначе говоря, примерно от Новосибирска до Томска) в материалах памятников позднебронзового века иногда встречается керамика бегазы-дандыбаевской культуры. Конечно, она есть и южнее

устья Берди, но в этой работе я рассматриваю только северо-восточное направление контактов населения Сарыарки.

Самая большая коллекция такой посуды найдена на Еловском II могильнике. Это 23 сосуда в 19 могилах. В 13 из них удалось определить пол и возраст (7 детских, 3 женских и 3 мужских). Погребения располагались двумя группами на периферии могильника. О полном сходстве керамики с казахстанской говорить трудно: оно прослеживается в форме сосудов и/или в элементах орнаментов [Тихонов 1987: 96-97]. Возможно, материалы Еловского поселения могли бы дополнить наши представления о южной посуде в этом районе. К сожалению, коллекция керамики не обработана, а ее солидная часть даже не была вынута из пакетов, в которых ее привезли в Омск в 1982 году. На связь с Казахстаном может указывать и накосник из могилы 288 [Матющенко 2004: 241-243; Рудковский 2012: 112-115]. На других памятниках, наподобие Ордынского, комплекс бегазы-дандыбаевской культуры меньше. Обычно принято считать, керамика из Сарыарки попала в Верхнее Приобье в результате торговых взаимоотношений, брачных контактов или по иным причинам [Молодин 1981: 15-17; Молодин, Нескоров 1992: 93-97; Тихонов 1987: 96-97]. Интересно, что В.И. Матющенко в обобщающей монографии по Еловскому II могильнику, охарактеризовав все культурно-хронологические комплексы памятника, отказался писать о материалах бегазы-дандыбаевского облика [Матющенко 2004: 357], решив этот вопрос рассмотреть в специальной работе.

На мой взгляд, проблема изучения контактов двух удаленных друг от друга групп населения заключается в том, что при вышеупомянутой парадигме Моргана-Энгельса можно предположить, но нельзя доказать характер связей между ними.

Методология. Предположу, что исследования такой направленности могут иметь обоснование в виде мир-системного анализа, одним из разработчиков которого является И. Валлерстайн [Wallerstein 1987: 309-324]. Мой скромный опыт рассмотрения мир-систем уровня мир-экономики в вариантах: центр – Москва, периферия – Тара и полупериферия – Казань, а также центр – Бухара, периферия – южная тайга Западной Сибири, полупериферия – ханство Кучума [Тихонов 2020: 115-120; Тихонов 2022: 67-70; Тихонов 2024: 101-103] позволяет надеяться, что эта методология будет адаптирована к материалам Сибири и сопредельных территорий. Напомню, что топонимы Москва, Тара, Бухара и т.п. обозначают не конкретный географический пункт, а некую область.

Существующая ситуация. Бегазы-дандыбаевская культура по материалам масштабных многолетних раскопок археологов Казахстана довольно подробно описана в серии обобщающих изданий [Бегазы-дандыбаевская культура... 2013; Бейсенов, Варфоломеев 2008; Бейсенов и др. 2014; Варфоломеев 2004: 181-202; Варфоломеев 2011: 210-240; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Маргулан 1979] и многочисленных статьях, число которых не поддается учету. Из публикаций следует, что эта высокоразвитая культура, среди основных черт которой можно назвать:

- горнодобывающее и металлургическое производства, что документировано наличием рудников, бронзолитейных комплексов, предметов, использовавшихся при выплавке бронзы и предметов из нее, большим количеством массивных изделий из бронзы [Берденов 2008: 42-55];
- развитое скотоводство, о чем свидетельствуют многочисленные остатки костей крупного и мелкого рогатого скота, лошадей;
- каменную и сырцовую архитектуру, прослеживаемую по материалам погребальных и поселенческих комплексов;
- большие поселения, причем некоторые из них (например, Кент, Аккезен, Семиярское) могут быть протогородами [Варфоломеев и др. 2017; Мерц 2017: 494-509];
- наличие свидетельств глубокой социальной стратификации [Кукушкин и др. 2018: 102-109].

В данном случае не будем вести речь о производстве керамики и украшений, поскольку они важны в описании культурного облика памятников Сарыарки, но не в анализе ее хозяйственного базиса.

Культуры эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья (еловская, корчажнинская, ирменская) сибирские археологи считают развитыми, поскольку оставившее их население знало бронзолитейное производство, занималось скотоводством. Но большое значение имели и охота с рыболовством. Некоторые поселения (Еловское, Ирмень I, Милованово) имеют большую площадь. Однако, мои палеодемографические разработки показывают, что на Еловском поселении площадью около 2 га могло жить не более/около 100 человек. Но чаще встречаются небольшие поселенческие памятники и небольшие могильники.

При сравнении уровня развития бегазы-дандыбаевской культуры и культур Верхнего Приобья я бы отдал пальму первенства населению позднебронзового века на территории будущего Казахстана.

Обсуждение. Исходя из положений мир-экономики центр (в данном случае – население Сарыарки) должно было оказывать сильное

влияние на периферию (жителей Верхнего Приобья). Теория говорит, что первичны торгово-обменные отношения, не обязательно от начального пункта до конечного. Могли быть и перевалочные пункты. В качестве товара с юга мог поступать металл (в виде слитков или лома). Население Сибири традиционно (еще с походов новгородцев в Югру) за нужные товары расплачивалось мехами. Но должна быть еще и полупериферия в виде перевалочных пунктов и узлов торговли. Может быть с ней возможно соотнести памятники Барабинской лесостепи с материалами ирмени, бегазы-дандыбая, восточного пахомово и т.д.? Имею ввиду, прежде всего хорошо известные памятники Старый Сад и Чича, изученные В.И. Молодиным и его сотрудниками в Новосибирской области [Молодин и др. 2010: 247-250; Молодин и др. 2011: 195-198; Чича... Т. 1-3], а также другие комплексы наподобие Гандичевского совхоза. Все они располагаются примерно посередине пути между Сарыаркой и Верхним Приобьем, отличаются разнообразными культурными комплексами.

Заключение. Выше изложен один из возможных вариантов объяснения и обоснования характера связей между населением, оставивших две удаленные археологические культуры. Для его доказательства нужно провести серию исследований. Например, рассмотреть вопросы синхронизации памятников Казахстана, Барабы и Верхнего Приобья. Необходимо будет рассмотреть систему взаимосвязей населения Казахстана с жителями лесостепного Алтая. В этом случае можно предполагать наличие полупериферии в районе р. Бурла. Анализ контактов северных памятников еловской культуры с синхронными им памятниками Присалаирья и Алтая позволит рассмотреть оборот меди в системе Алтай – Салаир – северные памятники еловской и ирменской культур. Фактически получается, что в ходе работ возникает больше вопросов, чем получается ответов. Но надеюсь, что дальнейшие работы в этой области будут плодотворны.

ЛИТЕРАТУРА

Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. 494 с.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2008. 112 с.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Берденов С.А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2008. № 1. С. 42-55.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская эпоха // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. С. 181-202.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. I. С. 210-240.

Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре Казахских степей. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований) // Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН, 2018. Вып. 24. С. 102-109.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. 468 с.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. 2017. № 3(4). С. 494-509.

Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск: Наука, 1981. Вып. 1. С. 15-17.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нескоров А.В. Продолжение исследований могильника эпохи поздней бронзы Старый Сад в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 247-250.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Нескоров А.В. Завершение исследований могильника Старый Сад эпохи поздней бронзы // Про-

блемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 195-198.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения – 1990. М.: ИА АН Казахстана, 1992. Ч. 1. С. 93-97.

Рудковский И.В. Накосник из Еловского II могильника и некоторые спорные вопросы бронзового века Зауральяских степей // Вестник Омского университета. 2012. №1 (63). С. 112-115.

Тихонов С.С. О связях населения Центрального Казахстана и Верхнего Приобья // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: КемГУ, 1987. Ч. I. С.96-97.

Тихонов С.С. Проблема формирования оснований для проведения этно- / этнографо-археологических исследований // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 2 (26). С. 115-120.

Тихонов С.С. Крепости и остроги как узлы формирования системы расселения русских в Сибири // Материалы XI региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения». Тара: Амфора, 2022. С. 67-70.

Тихонов С.С. О центрах и периферии в системе расселения русских первопроходцев в Западной Сибири: практика и методология исследования // Емельяновские чтения. Материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной 335-летию со дня основания города Кургана (Курган, 19-20 апреля 2024 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2024. С. 101-103.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. В 3-х т. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. Т. 1, 2001. 240 с.; Т. 2. 333 с.; Т. 3. 248 с.

Wallerstein I. World-System Analysis // Social Theory Today. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 309-324.

КЕЙІНГІ ҚОЛА ДӘУІРІ САРЫ-АРҚА ЖӘНЕ ЖОҒАРҒЫ ОБ: ӘЛЕМ-ЖҮЙЕЛІК ТАЛДАУ ТӘЖІРИБЕСІ

Аннотация. Автор кеш қола дәуіріндегі Орталық Қазақстан мен Жоғарғы Об халқының өзара байланысының ерекшеліктерін қарастыруға мүмкіндік беретін әдіснамалық мәселелерді қарастырады.

Түйін сөздер: әлем-жүйелі талдау, Беғазы-Дәндібай мәдениеті, Батыс Сібірдің орманды даласының археологиялық мәдениеттері

LATE BRONZE AGE OF SARY-ARKA AND UPPER OB' RIVER: EXPERIENCE OF WORLD-SYSTEM ANALYSIS

Annotation. The author considers methodological issues that allows to consider the peculiarities of the relationships between the population of Central Kazakhstan and the Upper Ob' region in the Late Bronze Age.

Key words: World-system analysis, Begazy-Dandybaev culture, archaeological cultures of the forest-steppe of Western Siberia

Buketov University